

Idiostyle characteristics of poetonymicon of prose of Maria Matios
Berber N. (Ukraine)
Идиостилистические характеристики поэтонимикона прозы Марии Матиос
Бербер Н. Н. (Украина)

*Бербер Наталья Николаевна / Berber Natalya Mykolayivna – соискатель,
кафедра украинской филологии,
Южноукраинский национальный педагогический университет им. К. Д. Ушинского, г. Одесса, Украина*

Аннотация: в статье исследуется потенциал стилистического использования поэтонимов, реализуемый на всех уровнях языковой системы. Показано, что поэтонимикон прозы Марии Матиос является релевантным конституентом авторского идиостиля.

Abstract: the article investigates the potential use of stylistic of poetonyms implemented at all levels of the language system. It is shown that poetonymicon of prose of Maria Matios is a relevant constituent of author's idiostyle.

Ключевые слова: идиостиль, поэтоним, поэтонимопространство, референт, аппеллятив, коннотация, трансонимизация.

Keywords: idiostyle, poetonym, poetonymic space, referent, appellative, connotation, transonymisation.

Организация поэтонимопространства является осознанным процессом, цель которого – адекватное воспроизведение авторских интенций, парадигмы творчества писателя. Поэтонимы – важный смысло- и стилиобразующий элемент художественного пространства. Поэтонимописью прокламической литературы Марии Матиос характеризуется широким использованием стилистических средств – фонетических, лексико-семантических, деривационных, синтаксических.

Поэтонимия диалогии «Нация», «Даруся сладкая» приобретает культурно-историческую уникальность, моделируя реальную онимию Буковины (Елена, Теофила, Петруня, Матронка, Матрона, Оксена; Ананий, Маковей, Хризонт, Танасий, Прокоп, Манолий, Орест, Стефа), лексическая и деривационная специфика которой сохранена в русском переводе (Маричка, Андрейка, Иванко, Михай, Тонця, Штефа, Петро, Коляй, Миколайчик, Федусь, Дунусь, Василь, Петро, Дмитро, Юрко, Корнило, Михайло), в частности – морфолого-грамматическая форма вокативов (Михайлюню, Михайло, Иванко) и поэтонимов формула обращений (Мисько любый, Михайлику дороженький (золотой, сердешный), кума Марийо). Регионально маркированными являются патро- и матронимические фамилии (Петрусяк, Крильчук, Томнюк) и андронимы, образованные от фамилий мужей (Притулячка, Петрусячка, Василящучка, Шкриблячка, Чевьюкова, Кейванова, Шулемчукова) или их имён (Илачиха, Юрчиха), являющиеся весомым лексико-семантическим средством. Отыменные фамилии, преобладающие в исторической прозе М. Матиос, – своеобразный код родовой памяти.

Фонетическая организация поэтонимов достигается использованием средств: 1) поэтической звукописи, в частности паронимической аттракции: Варвара-воровка («Даруся сладкая»), онимных зашифровок: антропоэтоним *Илья Руснак*, референтом которого, вероятно, является *Вильгельм* (сокращённо: Вилли, омонимично к *Илья*) *Москалюк* (синонимия художественной и реальной фамилий), *Семенуха* («Никогда обо мне не плачьте...») – *Соломониха*, *Соломон* в юбке Гафия Матиос; стилистической этимологизации: *Закурилась пыль за Куриками* («Даруся сладкая»); 2) фоносемантики и фоносимволики, актуализирующих звукосимволическую нагрузку поэтонимов. Так, рассматривая фоносемантический потенциал антропоэтонимов *Параска* и *Павлинка* («Юрьана и Долгопол») в векторе парадигматики, отметим, что более «женскими» являются сонорные звуки [в], [л] [н], в отличие от «грубых», неблагозвучных дрожащего [р], глухих [п], [с], [к]. Имя *Параска* ассоциируется с чем-то большим, грубым, в отличие от антропоэтонима *Павлинка*. Тожественной является и энциклопедическая составляющая семантики поетонима *Павлинка*: *Павлина* – жен. к *Павлин* – в пер. с лат. *малый*. Синтагматический аспект звукосимволизма дополняет и углубляет парадигматический. Он представлен, в частности, аппеллятивно-антропоэтонимной номинацией *эта милюзга – Павлинка* [2, с. 157], что эксплицирует энциклопедическую информацию об имени, контекстуальной антонимией *Павлинка – Параска: Штефурыку в лесу Павлинка не нужна. Там есть Параска* [2, с. 157].

В поэтике имени *рыжая Марья* («Двенадцать служб») М. Матиос использует прием аллитерационного повторения [р], звукосимволика которого лаконично обыгрывается в рассказе. Еще Платон считал, что звук [р] наиболее приспособлен для передачи движения, стремительности, порыва. Именно такой – готовой быстро действовать, откликаться на просьбы – показана Марья. Глубоким символизмом отмечается рыжий цвет, сравниваемый с человеком, который верит в свои силы, ассоциирующийся со звучанием церковного колокола средней величины, призывающего к молитве «Angelus» [1, с. 203]. Я. П. Обухов отмечает, что в христианской традиции оранжевый цвет используется для изображения Святой Троицы и при росписи пасхальных яиц [3, с. 63]. Итак, антропоэтоним *Марья*

имеет глубокий суггестивный потенциал, в нём ощутимы параллели с Девой Марией. Таким образом, звуковая архитектура поэтонимов становится мощным источником их коннотонимизации и художественным средством создания образов.

Среди лексико-семантических стилистических средств фиксируем контекстуальную синонимию поэтонимов, которая эксплицируется в компаративных конструкциях: *молодёжь угоняют в Сибирь, как в войну немцы угоняли в Германию* («Двенадцать служб»).

Наибольший интерес вызывает словообразовательная специфика функционирования поэтонимов, представленная преимущественно лексико-семантической деривацией, обозначенной Ю. А. Карпенко термином «мезонимизация». В основе мезонимизации – положение о существовании «переходного типа от омонимии к полисемии» (*мезонимия*). Разновидностью мезонимизации в ономастике является трансонимизация. Стилистически ярким является процесс перехода от первичного онима к мезониму через коннотоним – имя с развитыми эмоционально-образной сферой, понятийными и референтными коннотациями, отражающими индивидуально-авторское осмысление: *Новый Франко ещё не родился* – «гениальный писатель», *идти в свою Буковину* – «родина» («Отец и мать просили...»).

Метафорическая трансонимизация лежит в основе эвфемизации поэтонимов. Нами зафиксированы следующие тематические группы эвфемизмов: 1) умственные, психические недостатки человека: *Божий человек, Божьи люди, Даруся сладкая* («Даруся сладкая»); 2) потеря, смерть: *к Тащуку в гости пойти* – «исчезнуть» («Юрьяна и Долгопол»); *за Йорчиху готовлюсь* – «готовится к смерти»; *за Йорчихой заговорит* – «после смерти», *ходят за Йорчиху, скоро и нам за Йорчиху дорога ляжет* – «на кладбище» («Даруся сладкая»).

Процесс метафоризации сопровождается перифрастическим использованием поэтонимов: *Париж в миниатюре, Вена, сердце Буковины – Черновцы* («Отец и мать просили...»). Частотной является метонимическая трансонимизация в розряд хронопоэтонимов: 1) антропопоэтонимов: *со времён Франца-Иосифа* («Апокалипсис»); 2) баталлиопоэтонимов: *до Первой мировой войны* («Апокалипсис»); 3) топопоэтонимов: *со времён Польши* («Юрьяна и Долгопол»).

Узуальным является приём сочетания персонификации с метонимией: *Уже всю Товарницу в колхоз запротоколировали* («Прощай меня»). Однако данный стилистический приём не всегда сохранён в русском переводе Е. Мариничевой: *в соседней Вижнице празднуют* [2, с. 239] вместо варианта перевода *соседняя Вижница празднует* («Апокалипсис»), воспроизводящего авторский идиостиль.

Одним из распространённых приёмов онимной метонимизации является процесс плюрализации поэтонимов, рассматриваемый нами в ракурсе морфолого-грамматической деривации: *У жидов своих Отченашей, своих Кадишей тоже много* («Апокалипсис») – «молитвы». Аппеллятизированные поэтонимы-транспозиты символизируются: *такие долгополые и длиннорукие* («Юрьяна и Долгопол») – «враги», *сибири* (1 употребление) («Даруся сладкая»), *Сибири* (1 уп.) («Вставайте, мамко...»), а также регионопоэтоним *Сибирь* (5 уп.) – «место ссылки» («Даруся сладкая»). Использование перифразы *пасти белых медведей* – «быть засланными в Сибирь» («Отец и мать просили...») с целью табуирования топопоэтонима *Сибирь*, расширяет семантику последнего в направлении отрицательных коннотаций. Симболизация поэтонимов тесно связана с процессом онимизации. В исторической диалогии М. Матиос вводит единственный онимизированный аппеллятив, ставший идейным ядром книги: *<...> началось переименование Сандуляковой – до сих пор совершенно обыкновенной, с какой стороны ни глянь, – Судьбы* [2, 231].

Экспрессивно маркированным является использование поэтонимов, аппеллятивных номинаций синекдохически, что проявляется в замене: 1) формы множественного числа единственным: этнопоэтонимы, этнопоэтонимные прозвища в *«Дарусе сладкой» немец* (8 уп.), *мадьяр* (1 уп.), *румын* (1 уп.): *Больше двадцати лет были, а немец за один день вымел их*. Однако далее в переводе Е. Мариничевой синекдоха не сохранена: *вместо румын* (у М. Матиос синекдохически *вместо румына*) *мадьяры по селу расхаживают* («Даруся сладкая»); 2) целого частью: *Дидушенко* → *сапоги потоптались* («Двенадцать служб»); *большое око стоит надо мной... зоркое око* («Двенадцать служб»).

М. Матиос широко использует поэтонимы в конструкциях экспрессивного синтаксиса: 1) в предложениях со словами-носителями компаративной семантики: *Париж и Вена <...> походили на сегодняшние Черновцы* («Отец и мать просили...»); 2) при сравнительных оборотах, в том числе – во фразеологизированных: *высокая, как осина, Павлюкова* («Двенадцать служб»), *добрая, как хлеб, Гасюкова* («Двенадцать служб»); 3) в придаточном сравнительном компоненте: *обручи снова сошьют гнездо в бедной её головушке, как змеи на Воздвижение свивают в земле свои гнёзда на зиму* («Даруся сладкая»); 4) в автонимных и вставных конструкциях: *НА ПЕСКАХ (так испокон веков называли дальний верхний угол Тисовой Ривни)* («Апокалипсис»); 5) в полисиндетоне: *В сердце Буковины давно уже не гастролируют ни Рубинштейн, ни Лысенко, ни Лист* («Отец и мать просили...»), что способствует ретардации речи, отвечает лирическим размышлениям персонажа, служит для акцентуации на каждом проприативе.

Таким образом, поэтонимы – неотъемлемый компонент семантико-стилистической системы писателя. Общая семантика текста, его композиционная архитектура, жанрово-стилевая принадлежность определяют выбор стратегий поэтонимного письма Марии Матиос.

Литература

1. *Кандинский В.* О духовном в искусстве // Психология цвета. Сб. Пер. с англ. М.: Рефл-бук, К.: Ваклер, 1996. С. 181-220.
2. *Матиос М.* Нация / Пер. с укр. Е. Мариничевой, С. Соложенкиной. М.: Братонез, 2007. 320 с.
3. *Обухов Я. П.* Оранжевый цвет: цветотерапия // Журнал практического психолога. 1997. № 5. С. 61-67.